

А.В. Бармин

КТО НАПИСАЛ “ДРУГОЙ СВОД ПРОТИВ ЛАТИНЯН”?

В числе изданных А. Михелем в 1930 г. памятников греко-латинских споров середины XI в. был один, озаглавленный как “Другой свод против латинян, в чем они хулят Св. Духа, говоря, что Он исходит от Сына”¹. Немецкий ученый был убежден в принадлежности этого произведения известному участнику церковного столкновения 1053–1054 гг. Никите Стифату, усматривая в нем те же “язык, стиль и мысль”, что и в бесспорно написанных студийским монахом сочинениях. В доказательство своих слов исследователь привел внушительный список языковых соответствий между “Другим сводом”, с одной стороны, и “Прением об опресноках, субботнем посте и браке иереев” и “Сотницами практических, физических и гностических глав”, с другой².

Однако же шаткость сделанных А. Михелем наблюдений становится сразу заметной при их внимательном рассмотрении. Некоторые из приводимых ученым совпадений количественно совершенно непредставительны: если однажды встречающийся в “Другом своде” глагол παρῆγγυᾶται (“повелевается”) один раз обнаруживается и в “Прении о субботнем посте” (παρῆγγυᾶτο), то это никак еще не свидетельствует в пользу родства двух сочинений³. То же самое можно сказать и о единичных появлениях в “Другом своде” глагола παρῆμπίπτει (“присоединяется”) или цитаты из 49 псалма: “λελάληκεν κύριος ὁ θεός” (“говорил Господь Бог”), которые А. Михель сопоставлял со столь же одинокими ἀντιπίπτει (“противитесь”) и словами “ἐν Μωυση̅ λελάληκεν ὁ θεός” (“в Моисее говорил Бог”) из “Прения”⁴. Другие прослеживаемые ученым соответствия представляются слишком широкими: так, слова и выражения εἰ δὲ λέγεις (“если же ты говоришь”), δῆλον (“ясно”), δείκνυμι (“показываю”) с производными, οὐ γάρ (“ибо не”)⁵ можно с равным успехом обнаружить чуть ли не в любом византийском сочинении. Наконец, многое просто относится к религиозной топике христианства, как слова о необходимости Христовой жертвы, о невидимости и неописуемости Бога или именование Христа “Словом Божиим” и “одним из Св. Троицы”⁶.

Уже само надписание произведения ставит под вопрос его принадлежность ученику св. Симеона Нового Богослова. Имя Стифата указывается лишь в одной из двух рукописей, сохранивших “Другой свод” в составе “Догматической паноплии” Никиты Хониата⁷, где оно было приписано к названию почерком, отличным от почерка писца⁸. Помимо того, если в “Прении” Стифат называл своих собеседников “ромеями” (т.е. римлянами)⁹, то создатель “Другого свода” именовал их “латиняна-

¹ Ἐτέρα σύνθεσις κατὰ Λατίνων, ἐν οἷς βλασφημοῦσι εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον λέγοντες ἐκ τοῦ Υἱοῦ ἐκπορεύεσθαι // Michel A. Humbert und Kerullarios. Paderborn, 1930. S. 371–409.

² Ibid. S. 357–360.

³ Первый из приводимых А. Михелем примеров стилистического “сходства” см.: Ibid. S. 357.

⁴ Примеры 2 и 27 см.: Ibid. S. 357–358; по той же причине неубедительно выглядят примеры 3, 15, 23.

⁵ Ibid. Примеры 10, 11, 14, 18.

⁶ Ibid. Примеры 28, 33, 36.

⁷ Vat. gr. 680, f. 407b (Ibid. S. 355).

⁸ Codices Vaticani graeci. T. 3. 1950. P. 141.

⁹ Νικήτας Στηθάτος. Περί ἀζύμων καὶ σαββάτων ἡσθείας καὶ γάμου τῶν ἱερέων // Michel A. Op. cit. S. 322, 325, 340, 342.

ми”¹⁰. Наконец, вынесенное уже в заглавие обвинение западным в “хуле” на Св. Духа¹¹ плохо согласуется с почтительным отношением Никиты Стифата к своим собеседникам, которых он называл “мудрейшими и благороднейшими из всех народов”¹². Обращению на “Вы” в “Прении об опресноках” противостоит мало уважительное “ты” в “Другом своде”, предваряемое рассуждениями о “латинянах” в третьем лице, как если бы речь шла об отсутствующих¹³.

О “Другом своде против латинян” молчат и все лица, принимавшие участие в событиях 1053–1054 гг. Кардинал Гумберт в своей “Памятной записке” упоминал лишь одно сочинение Никиты Стифата – “Об опресноках, субботе и браках священников”, которое его создатель сам же и “анафематствовал” 24 июня в Студийском монастыре¹⁴. Если во всех посланиях Кирулария отсутствует какой-либо намек на Стифата и его участие в тогдашних спорах, то в этом нет ничего удивительного – после перехода последнего на сторону римских послов патриарх предпочитал молчать о деятельности студийского иеромонаха. Однако нельзя обнаружить и никакой связи между заявлениями по поводу троичных вопросов в подготовленном Кируларием “Соборном определении” 24 июля 1054 г. и доводами “Другого свода”. В первом из этих двух памятников делалась попытка свести западное учение к македонской ереси¹⁵; во втором же вместо этого “латинянам” указывалось на опасность впадения в савеллианство, арианство, манихейство и несторианство¹⁶.

В целом же троичные вопросы, обсуждаемые в “Другом своде”, оказались почти не затронутыми в ходе споров 1053–1054 гг. Начавший полемику Лев Охридский выступал лишь против литургических обычаев латинской Церкви, так что Гумберту не нужно было защищать “Filioque” ни в “Диалоге”¹⁷, ни в своем “Ответе” Никите Стифату¹⁸. Впрочем, в конечном счете такая необходимость все-таки настала. Написанные кардиналом “Рассуждения об исхождении Св. Духа” являлись ответом на любопытство со стороны императора Константина IX Мономаха, пожелавшего получить от Гумберта некоторые полезные разъяснения¹⁹. Содержащиеся там доводы в защиту западного учения имеют мало общего с тем, что в “Другом своде” представлено как суждения представителя западной Церкви. Правда, из девяти новозаветных высказываний, которые последний приводит в защиту своего мнения, шесть появляются и в “Рассуждениях” Гумберта²⁰, однако такое соотношение само по себе никак не свидетельствует о связи между двумя сочинениями. В данном случае речь идет о довольно обычном наборе ссылок на евангелия и апостольские послания, встречающиеся во многих греческих произведениях по вопросу о “Filioque”²¹; намного более (около 25) указаний на новозаветные слова обнаруживается в “Рассуждениях”. “Латинянин” в “Другом своде” прямо утверждает, что слова

¹⁰ Ἐτέρα σύνθεσις... S. 371, 377, 407.

¹¹ “Другой свод против латинян, в чем они хулят Св. Духа...” (“ἐν οἷς βλασφημοῦσι εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον...”) (Ἐτέρα σύνθεσις... S. 371).

¹² Νικήτας Στηθάτος. Περὶ ἀζύμων... S. 322, 325, 340.

¹³ Ἐτέρα σύνθεσις... S. 377–379.

¹⁴ Humbertus. Commemoratio brevis // Acta et scripta quae de controversiis Ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita extant / Ed. C. Will. Lipsiae: Marpurgi, 1861. P. 150.

¹⁵ Μιχαὴλ Κηρουλάριος. Σημείωμα περὶ τοῦ ριφέντος πιττακίου ἐν τῇ ἁγίᾳ τραπέζῃ παρὰ ἀπὸ Ῥώμης πρεσβέων // Acta et scripta... P. 160.

¹⁶ Ἐτέρα σύνθεσις... S. 378, 384, 385, 394, 405.

¹⁷ Humbertus. Dialogus // Acta et scripta... P. 93–126.

¹⁸ Humbertus. Responsio sive contradictio Nicetae // Ibid. P. 136–150.

¹⁹ Humbertus. Rationes de Sancti Spiritus processione a Patre et Filio // Michel A. Op. cit. S. 97.

²⁰ Отсутствуют в “Рассуждениях” ссылки на Ин. 1, 16, I Кор. 10, 1 и I Кор. 12, 13, где Дух образно называется “полнотой” и “питием” Христа (Ἐτέρα σύνθεσις... S. 396–397).

²¹ См., например: Νικόλαος Μουζαλῶν. Περὶ τῆς τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐκπορεύσεως // Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρίδα τῆς θεολογικῆς σχολῆς τοῦ πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. 1978. Τ. 23. Σ. 307–308; Ἀνδρόνικος Καματηρός. Τερά ὀπλοθήκη (Mon. gr. 229, f. 28–28v).

Иисуса из евангелия от Иоанна “Я и Отец – одно” (Ин. 10, 30)²², как и используемые апостолом Павлом выражения “Дух Сына” и “Дух Христа”²³, свидетельствуют об исхождении Св. Духа от обоих Отца и Сына, за чем в обоих случаях следуют длительные опровержения; в “Рассуждениях” эти же места из Св. Писания если и затрагиваются, то лишь вскользь²⁴. Таким образом, сопоставление обоих сочинений не дает каких-либо оснований говорить о связи между ними, которая предполагалась бы в случае принадлежности “Другого свода” перу Никиты Стифата.

Окончательным доказательством позднейшего происхождения “Другого свода” являются содержащиеся в нем слова, согласно которым “латиняне” “хвалятся тем, что они подъявляют крест”²⁵. Не может быть сомнений в том, что речь здесь идет о крестоносцах, понимавших свое движение именно как “несение креста”²⁶. Таким образом, в качестве нижней временной границы для написания “Другого свода против латинян” должны быть приняты самые последние годы XI в. (появление первых крестоносцев в Константинополе), а для верхней границы – самое начало XIII в., когда Никита Стифат составил свою “Догматическую панопию”.

Не так уж много света на поставленный в заголовке статьи вопрос способны пролить выполненные А. Михелем указания на схожие места изданного им произведения и творений греческих отцов Церкви²⁷. На самом деле многочисленные попытки ученого усмотреть *скрытые* соответствия между “Другим сводом” и святоотеческими творениями слишком часто представляются неубедительными, в большинстве случаев исчерпываясь использованием одних и тех же библейских высказываний. Так, А. Михель сопоставляет слова о Духе, прославляющем Сына, со схожими местами в “Послании к Серапиону” Афанасия Великого и “Гомилии на пятидесятницу” Григория Назианзина; общность всех трех произведений в данном случае ограничивается обращением к словам евангелия от Иоанна²⁸. Когда создатель “Другого свода” относит к одному Христу заповедь книги Исхода о всяком младенце мужского пола, отвергающем ложесна (Исх. 34, 19), исследователь в примечаниях указывает на схожее рассуждение Исидора Пелусиота; тем не менее объяснения подобной мысли, даваемые при этом в обоих сочинениях, совершенно различны²⁹. Ученый приводит высказывания Григория Назианзина и Максима Исповедника, которые близки, по его мнению, словам издаваемого им памятника, но и здесь речь идет лишь об использовании одного и того же места из книги пророка Исайя (11, 2)³⁰.

²² Ἐτέρα σύνθεσις... S. 379.

²³ Ibid. S. 390–393.

²⁴ Humbertus. Rationes... S. 98–99, 106, 110.

²⁵ Ἐτέρα σύνθεσις... S. 377: “τὸν σταυρὸν ἀρεῖν αὐχοῦντες”.

²⁶ Ср.: Робер де Кларв. Завоевание Константинополя. М., 1986. Гл. 1–2, 4–5; Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М., 1993. Гл. 2–11.

²⁷ Речь идет о довольно длинном списке, включающем имена свв. Климента Александрийского, Афанасия Великого, Григория Назианзина, Исидора Пелусиота, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника (Ἐτέρα σύνθεσις... S. 372–373, 375–376, 381, 383, 384–394, 396–400, 402–403, 405, 409).

²⁸ “Другой свод”: “ὡσαύτως δὲ καὶ τὸ πνεῦμα δοξάζων ἐν τῷ λέγειν περὶ αὐτοῦ, ὃ καὶ περὶ πατρὸς εἶρηκεν· ἐκεῖνος ἐμὲ δοξάσει· δοξάζουσι γὰρ ἄλλα τὰ ὁμότιμα” (Ibid. S. 373); Афанасий Великий: “τὸ δὲ πνεῦμα δοξάζει τὸν υἱόν. ἐκεῖνος, γὰρ φησιν, ἐμὲ δοξάσει” (PG. 26. Col. 580); Григорий Назианзин: “ἐπηγγέληθ' δὲ (πνεῦμα) ... ὑπὸ δὲ Ἰησοῦ, καὶ ὑστερον δοξαζομένου (ὑπὸ τοῦ πνεύματος)...” (PG. 36. Col. 448). Ср. Ин. 16, 14: “ἐκεῖνος ἐμὲ δοξάσει, ὅτι ἐκ τοῦ ἐμοῦ λήψεται καὶ ἀναγγελεῖ ὑμῖν”.

²⁹ Согласно “Другому своду”, подобное отождествление оправдано “из-за множества духовно возрождаемых в Нем (т.е. во Христе) и отвергающих ложесна Церкви” (Ibid. S. 375); по мнению Исидора Пелусиота, всякие ложесна открываются совокуплением, за исключением лишь тех, где бессеменно был зачат Иисус Христос (PG. 78. Col. 196).

³⁰ Создатель “Другого свода” ссылается на Исайю в желании показать, что, помимо третьего лица Троицы, есть и другие существа, которых можно именовать “святым духом” (Ἐτέρα σύνθεσις... S. 386–387); Григорий Назианзин и Максим Исповедник утверждают лишь, что под “семью духами” Исайя имел в виду действия (энергии) Св. Духа (PG. 36. Col. 432; PG. 90. Col. 365).

Нельзя согласиться с А. Михелем, когда он уподобляет одно положение издаваемого им памятника (“Отец – один, единственный, цельный и целиком Отец; Сын – один, единственный, цельный и целиком Сын... [все] Трое – один Бог”³¹ рассуждению Григория Назианзина: “Сын – не Отец (ибо Отец один), но то же самое, что Отец; также и Дух – не Сын, потому что Он из Бога (ибо Единородный – один), но то же самое, что и Сын; Трое – одно по божеству”³². Довольно заурядное высказывание византийского полемиста вряд ли идет в сравнение с изящной мыслью каппадокийского богослова, которую в самом конце XI столетия повторял Ансельм Кентерберийский³³. Больше сходства между словами из “Свода”: “Все, что [принадлежит] Сыну, [принадлежит] и Духу, кроме сыновней собственности”³⁴, и утверждением Григория Назианзина: “Все... что есть Сын, [принадлежит] и Духу, помимо рождения”³⁵, однако само это положение относится к основам всего троичного учения, и потому трудно с уверенностью говорить о его непосредственном заимствовании у великого каппадокийца. Так, подобное утверждение встречается в полемическом сочинении Николая Музалона³⁶, откуда оно и могло стать известным составителю “Другого свода”³⁷.

Итак, разбор первых же примечаний А. Михеля не свидетельствует о зависимости изданного им памятника от творений отцов Церкви. Но если создатель “Другого свода против латинян” далеко не так широко опирался в своей работе на святоотеческое наследие, как это виделось его издателю, то совершенно свободным от него он тоже не был. Всего прямых ссылок на отцов Церкви в его сочинении насчитывается шесть: три обращения к проповедям Григория Назианзина, одно – к посланию Афанасия Великого к Серапиону, одно – к “Сокровищнице” Кирилла Александрийского и одно – к “Ответу” (Псевдо-)Леонтия Кесарийского³⁸. Сколь бы малым ни казалось такое количество, им нельзя пренебречь. Дело заключается в том, что самые ранние византийские противники “Filioque” крайне редко ссылались на святоотеческие сочинения. Патриарх Фотий в “Слове о тайновдстве Св. Духа” приводил в этой связи только одно место из греческого перевода “Диалогов” Григория Великого³⁹.

Участовавшие в спорах с Петром Гроссоланом Феодор Смирней и Никита Сеид обошлись без ссылок на свв. отцов, и точно так же поступил в своих опровержениях латинского учения Феофилакт Охридский. Николай Музалон однажды упомянул Кирилла Александрийского (не приводя при этом его высказывание полностью)⁴⁰, а Иоанн Фурн – Григория Назианзина⁴¹. Единственным исключением среди своих современников был Евстратий Никейский, в семи полемических сочинениях которого насчитывается в целом до двенадцати явных обращений к отцам Церкви⁴², что,

³¹ “εἷς μόνος καὶ ὄλος καὶ τὸ ὄλον πατὴρ ὁ πατήρ ... εἷς τὰ τρία θεός” (Ἐτέρα σύνθεσις... S. 376).

³² “οὐτε γὰρ ὁ υἱὸς πατὴρ (εἷς γὰρ πατήρ), ἀλλ’ ὅπερ ὁ πατήρ ... ἐν τὰ τρία τῇ θεότητι” (Ibid.).

³³ “Дух Святой есть не другое, но то же самое, что Отец и Сын” – “Spiritus autem sanctus non est aliud, sed idem ipsum quod est Pater et Filius” (PL. 158. Col. 308).

³⁴ “Πάντα, ὅσα τοῦ Υἱοῦ, καὶ τοῦ Πνεύματος, πλὴν πάντων τῆς υἱκῆς ἰδιότητος” (Ἐτέρα σύνθεσις... S. 376).

³⁵ “Πάντα ... ὅσα ὁ υἱὸς, τοῦ πνεύματος πλὴν τῆς γεννήσεως” (Ibid.; PG. 36. Col. 441b).

³⁶ “Καὶ πάνθ’ ὅσα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ ἐστίν, τὰ δ’ αὐτὰ καὶ τοῦ Πνεύματος, ἀνευ μέντοι τῶν ἰδιοτήτων” (Νικόλαος Μουζάλων. Op. cit. Σ. 314).

³⁷ Любопытно отметить, что там, где отец Церкви использовал понятие бытия (“все, что *есть* Сын”), оба позднейших участника греко-латинских споров обращались к понятию обладания (“все, что *принадлежит* Сыну”).

³⁸ Ἐτέρα σύνθεσις... S. 383, 388–389, 405.

³⁹ PG. 102. Col. 369. Кроме того, в этом “Слове”, как и в своем послании патриарху Аквилен, Фотий перечисляет отцов церкви, которые, по его убеждению, ничего не писали о “Filioque”.

⁴⁰ Νικόλαος Μουζάλων. Op. cit. Σ. 316.

⁴¹ Ἰωάννης Φουριῆς. Ἀντιρρητικὴ ἀπολογία πρὸς τὰ λεχθέντα παρὰ τοῦ Μεδιολάνων ἀρχιεπισκόπου Πέτρου περὶ τῆς τοῦ Ἁγίου Πνεύματος ἐκπορεύσεως // Ἄ. Δημητρακόπουλος. Ἐκκλησιαστικὴ βιβλιοθήκη. Λεψία, 1886. Σ. 43.

⁴² Из них два – на Григория Назианзина, пять – на Дионисия Ареопагита, два – на Василия Великого, одно – на Григория Великого, одно – на Иоанна Дамаскина и одно – на Иустина Мученика.

однако, составляет в среднем лишь менее двух подобных обращений на одно произведение. Положение существенно изменилось только с появлением (предположительно к середине XII в.) “Диалогов” Никиты Маронейца, где впервые была представлена обширная подборка святоотеческих высказываний о Св. Духе⁴³. Еще более внушительно выглядит соответствующая антология в написанном около 1170 г. “Священном оружехранилище” Андроника Каматира⁴⁴.

Хотя “Другой свод” и уступает значительно последним двум произведениям по насыщенности ссылками на писания отцов Церкви, его все же легче отнести к тому периоду в истории противолатинской полемики, когда подобного рода обращения к первоисточникам стали для нее почти что обязательными приемами. Однако между Никитой Маронейцем, с одной стороны, и Никитой Хониатом, с другой, известно не так уж много византийцев, писавших об исхождении Св. Духа. Двое из них высказывались по этому вопросу лишь единожды и по вполне определенному поводу: Василий Охридский – в рассказе о своем споре с Ансельмом Хавельбергским в 1155 г.⁴⁵, Димитрий Торник – в письме епископу Эстергома Иову⁴⁶. Иначе обстоит дело с Николаем Мефонским, оставившим после себя несколько сочинений против “Filioque”. Одно из них, “Достопамятные слова из написанного в разных сочинениях против латинян о хуле на Св. Духа”⁴⁷, почти дословно совпадают с “Другим сводом”⁴⁸. В свое время А. Михель понял это как свидетельство плагиата, совершенного мефонским епископом у Никиты Стифата. Однако наиболее приемлемым представляется другое решение вопроса, которое усматривает в “Другом своде” расширенную переработку “Достопамятных слов”. Стоит обратить внимание на то, что в “Паноплии” Никиты Хониата “Свод” следует сразу за сочинением “К латинянам о Св. Духе” – самым распространенным в рукописях творением Николая Мефонского⁴⁹. Уместно предположить, что именно по отношению к этому последнему произведению “Другой свод” является “другим”; с этим же обстоятельством можно связать отсутствие имени автора в его заглавии: составитель “Паноплии” просто не стал повторяться. Нежелание указывать имя создателя “Другого свода” выглядит тем более понятным в случае, если это сочинение возникло вследствие переработки “Достопамятных слов”, осуществленной не самим Николаем Мефонским, а другим лицом. Менее заслуживающей доверия кажется другая возможность, согласно которой “Достопамятные слова” являются переделкой “Другого свода”. В этом случае ничто, по всей видимости, не может объяснить удаление отсюда отрывка со ссылками на Леонтия Кесарийского и решения четвертого вселенского собора⁵⁰. С очень большой степенью вероятности следует признать, что написавший “Достопамятные слова” Николай Мефонский являлся и главным, если не единственным, создателем “Другого свода против латинян”.

⁴³ Νικήτας τοῦ Μαρωνέως. Λόγος ε΄ // Giorgetti C. Niceta Maronensis eiusque 5 et 6 dialogus de processione Spiritus Sancti etiam ex Filio. Romae, 1965. P. 342–392. В шестом “Диалоге” имеется не менее тридцати ссылок на греческих отцов Церкви.

⁴⁴ См.: PG 141. Col. 396–613.

⁴⁵ Βασίλειος Ἀχρίδηνος. Συνεισφορὰ πρὸς τὸν Ἰταλῶν ἀρχιεπίσκοπον // Des Basilius aus Achrida, Erzbischofs von Thessaloniki, bisher unedierte Dialoge / J. Schmidt. München, 1901. S. 34–51.

⁴⁶ Δημήτριος Τορνικής. Ὡς ἐκ προσώπου τοῦ βασιλέως κυροῦ Ἰσαακίου πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Στρογόμου // Georges et Démétrios Tornikés. Lettres et discours / J. Darrouzès. P., 1970. P. 190–201.

⁴⁷ Νικόλαος Μεθώνης. Ἀπομνημονεύματα ἐκ τῶν ἐν διαφόροις λόγοις γεγραμμένων κατὰ Λατίνων περὶ τῆς εἰς τὸ Ἅγιον Πνεῦμα βλασφημίας // [Арсений (Иващенко)]. Два неизданных сочинения Николая, епископа Мефонского. Новгород, 1897. С. 5–49.

⁴⁸ Между двумя произведениями есть немало отмеченных А. Михелем разночтений; помимо того, отсутствует один отрывок из “Другого свода” (Ἐτέρα σύνθεσις... S. 403–407).

⁴⁹ См. об этом: Angelou A. Nicholas' Works // Νικολάου Μεθώνης Ἀνάπτυξις τῆς Θεολογικῆς Στοιχείωσις Πρόκλου Πλατωνικοῦ Φιλοσόφου. Leiden, 1984. P. XXV–XXXVII.

⁵⁰ Ἐτέρα σύνθεσις... S. 403–407.